

За цыганской звездой кочевой

Известия - 1997 - 25 апр. - с. 5

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Спектаклю московского театра «Ромэн», «Мы — цыгане» пошел 21-й год. Спектакль пропел 1000 представлений и заглянул на вторую тысячу навстречу 2000 году.

И какая ж труппа не любит, когда в театре аншлаги, когда стоят в боковых проходах, когда на дополнительные стулья усаживают безбилетных, но с цветами, поклонниц солистов и племянниц билетерш...

Спектакль «Мы — цыгане» имеет все эти удовольствия.

Что же такое в этой цыганщине, в этих струнах, очач и кудрях? И что такое 21 год, когда цыганской песней и романсом восхищались еще Александр Сергеевич!

Вообще, кажущаяся простота цыганского романа — не оперная же ария — многих подвигает на его приватное исполнение. Благо вся держава огитарена наперевес. Но что-то в этих шестиструнных обоях отсутствует, помимо седьмой струны.

Когда слушаешь, как поют истинные цыгане, как поют артисты театра «Ромэн», как поет Николай Сличенко, ощущаешь даже не разницу, а пропасть.

Ну мы — ладно, мы выросли на этом, это у нас в коммуналке две гитары за стеной жалобно ныли с детства памятные напевы. Но ведь был оглушительный успех в спектакле «Мы — цыгане» и в Японии, Югославии, Франции, Индии, Турции, Австрии!.. Это при том, что у спектакля практически нет драматургии; это скорее концерт, хорошо слепленный и скрепленный цыганской темой, включая исход из Индии, оригинальные трактовки Эсмеральды, Кармэн, музыкальные фрагменты

«Очарованного странника» и «Живого трупа» и, конечно, очи черные, глаза зеленые и лучи пурпурного заката.

— Так называемый цыганский романс, — размышляет художественный руководитель театра «Ромэн» Николай Сличенко, — и цыганская песня — это не одно и то же. Песня первична. Она рождается в пути, в таборе, у костра... В ней отсутствует городская атрибутика — брызги шампанского, непробудные сны гусаров, беседки, кружева и прочая романсовая символика. Русская культура, русские мотивы не могли не повлиять на музыкальную цыганскую душу, а яркое цыганское исполнение, конечно же, заворожило всю, как сейчас принято говорить, общественность — и кулечество, и дворянство, и интеллигенцию... Лесков, Островский, Достоевский, Толстой — кто из великих русских писателей не отправлял своих героев послушать цыган.

— Кстати, у вас в театре шел «Живой труп». И вы играли Протасова. Хотя я не представляю себе непеющего Сличенко. Это все равно, что в балете задействована Плисецкая, которая не танцует.

— А вот представьте, «Живой труп» ставили во многих театрах... Но кто-то в театральных кругах пустил забавную шутку, что в «Ромэне» он самый живой.

— Россия и романсы — две вещи неразлучимые. А как их воспринимает, скажем, в Японии?

— Вы знаете, они удивительно точно почувствовали то, что им поют настоящее, «без синтетики». Собственно, любая публика в любой стране чувствует разницу между техникой исполнения и тем, что идет от сердца, где эмоции натуральные, не «парнико-

Сцена из фирменного спектакля «Ромэн».

вые». Романс, когда его правильно поют, — это драматургия; это исповедь, рассказ, признание... Влюбленного ли человека, разлученного ли, счастливого, несчастного... Как можно об этом рассказать?.. Прокричать... шепотом.

Нельзя не согласиться с Николаем Алексеевичем. Я вспоминаю, как Рина Васильевна Зеленая как-то сказала: «Боже мой! Меня совершенно ужасает бытовизм в современных песнях и романах. Вот это вот: «Наверное, ты забы-ы-ла мой номер телефо-о-она»... Это не песенная и не романсовая строка, это бытовой призыв все аккуратно записывать в книжечку. Или: «Она с сеткой из булочки с булкой идет»... Очень живо представляешь и ее, и авоську, и батон за 25 коп. из муки в/с... Но песня ли это? А «Гори, гори, моя звезда» написана сто лет назад, и она до сей поры не гаснет. Как это объяснить?»

Возможно, темпом жизни с сотовой связью и отсутствием троек с бубенцами? Невольно перефразируешь — «куда же нам гнать» «Жигулей»?

— Не стоит так уж разочаровываться, — улыбнулась на это блистательная исполнительница романсов Валентина Пономарева, — не все «так грустно, туманно кру-

гом», коли уж перефразировать этот романс. Если наш жанр прожил столько лет, а седина его лишь украсила благородством, то это повод для оптимизма. Цыганские певцы и певицы уходили, а романс продолжается молодыми. Недавно совсем юная актриса театра «Ромэн» Наденька Оглу заняла первое место на всероссийском конкурсе «Романсиада». И многие эстрадные исполнители стали обращаться к романсу. Романс, который родился в России, стал известен и любим во всем мире — это наше достоинство. А цыгане, услышав русский романс и живя в его атмосфере, запели и привнесли шемлящую ноту и разгульную, и мятежную... Так и возникло это чудо.

Что ж, действительно чудо — эти романсы. Удивительно точно определил их характер Александр Иванович Куприн: «Бог знает, из каких прошедших тысячелетий, из каких южных стран вынес их этот загадочный народ, это фараоновое племя. В бродячей жизни, среди чужих языков менялись и мешались слова, выпадали строфы, но какой горячей кровью, страстной тоской и пламенной любовью, какой древней первобытной красотой веет от восточной вязи этих песен, подобных красным розам на снегу».